

Сумерки богов

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Вет. Москва. — 1993. — 13 сентября

Вероятно, этот вопрос покажется парадоксальным. С детства мы знаем, что боги бессмертны. И все же у богов наступает период сумерек. У каждого из них он необычен. И все же боги умирают, но остаются в нашей памяти... Как остались в памяти два из них: Бог Музыки — Фредди Меркьюри и Бог Танца — Рудольф Нуриев.

Фредди Меркьюри — лидер группы «Куин». Судьба подарила мне встречу с этим музыкантом несколько лет назад в Будапеште.

Впервые артист такого уровня посетил социалистическую страну. Встретиться с ним, узнать, что побудило его приехать, мечтали журналисты всего мира. Но Фредди отвечал на все просьбы отказом. Надежды на встречу у меня не оставались.

Помог случай. Вернее, наша перестройка. Звезда пожелала увидеть «продукт нового советского общества», правда, огорив, что время на встречу ограничено десятью минутами.

И вот он, долгожданный миг — вхожу в его гримборную на стадионе венгерской столицы. Передо мной усталый человек, который только что отдал всего себя зрителям. Потухшие глаза, усталый вид.

Слухи о его болезни уже витали в обществе, но он их отвергал. Минуты две с непонятной для меня усмешкой разглядывал вашего покорного слугу, и, меня устоявшиеся традиции, первым задал вопрос:

— Что вас интересует? Мое творчество? Биография? Частная жизнь?

— Все вместе.

— Знаю, что в России любят Фредди.

Правда, несколько пиратски используют записи «Куин». Ведь мне еще не приходилось получать из Москвы гонорары за использование моих песен. Может быть, с вашей перестройкой все изменится. Дай-то Бог.

О моей личной жизни я ежедневно узнаю столько, что другой бы уже покончил с собой или, во всяком случае, сошел с ума. Но у меня хватает чувства юмора относиться к этому с улыбкой.

Каждый человек, как утверждают некоторые ученые, бисексуален. Если так, то почему бы... не попробовать?

Фредди засмеялся и посмотрел на сидящего рядом с ним молодого человека.

— Представляешь, как отнесутся твои читатели к моим словам.

Советский Союз — загадочная страна, и у вас, знаю, за это отправляют в Сибирь или в психушку.

У нас на это тоже смотрят чуть косовато, но терпят. Мы живем в свободном мире.

А если серьезно — с глубоким уважением отношусь к русской культуре.

Он замолчал. Я подумал, что интервью закончено, но Фредди вдруг неожиданно сказал: «Сегодня я устраиваю вечеринку. Буду рад еще раз видеть вас».

Но встретиться нам так и не довелось. Представитель советского посольства, опекавший меня и не получивший приглашения, «порекомендовал» отказаться от встречи. Началась перестройка, но мы продолжали жить по законам 1980 года. Года Олимпиады.

А потом пришла страшная весть о смерти Меркьюри...

Рудольф Нуриев — один из самых выдающихся мастеров балета нашего века. Более тридцати лет назад он покинул пределы бывшего Союза, потому что хотел быть абсолютно свободным. Его творческая жизнь — не только пример для подражания, но и восхитительный пример мужества.

В марте 1992 года Нуриев приехал в Санкт-Петербург, чтобы 17-го отметить свой день рождения. Выглядел больным, но если бы вы сказали ему об этом... Впрочем, как умел гневаться Рудольф, знали все. Мало того, об этом ходили легенды. Да и он сам уже был легендой двадцатого века.

— Господин Нуриев...

— Просто Рудольф.

— Вы сердиты на Россию?

— Нет! Но мне всегда были ненавистны ее правители. Не знаю, как сейчас, но в начале шестидесятых в Кремле сидела шайка уголовников. А народ у нас замечательный и чрезмерно терпеливый. Ведь ради простого зрителя я выходил на сцену, а не для того, чтобы угодить «славным дядям и тетям» из обкома.

— А если перейти к конкретным людям, были ли в вашей жизни женщины, которые оставили память на всю жизнь?

— Да. В 1960 году под занавес сезона прекрасная балерина Кировского балета в Ленинграде Алла Яковлевна Шелест пригласила станцевать с ней «Лауренцию» А. Крейна. Одна из любимых учениц великой Агриппины Яковлевны Вагановой была не только блестящей балериной, но и художником, для которого главным было искусство. Его величество Искусство!

Это был вызов. Меня вообще не жаловали: ни в училище, ни в театре. А Шелест решила. Спасибо ей за это. Как спасибо великолепной Марго Фонтейн, отдавшей мне годы и свой талант, чтобы из способного «татарчонка» сделать мастера. Многим, чем я сегодня обладаю, обязан этим женщинам.

— Вы богаты, ваша творческая судьба — пример для подражания. Причем не только в творчестве. Почему-то молодые артисты верят, что только «там» можно чего-то достичь.

— Если вы думаете, что на Западе нас кто-то ждет — ошибаетесь. Там может выжить и процветать только тот, кто выше их, талантливее. Неважно, в какой области — в коммерции ли, в искусстве. Я получил в России такую школу, какую ни в Америке, ни в Европе вы не получите.

А еще у меня был талант, который, уверен, был мне ниспослан Богом. И я им распорядился достойно.

— Мы все не вечны. Когда-то каждый из нас обретает свой последний приют...

— Где бы я хотел его найти? Есть под Парижем русское кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Я хочу успокоиться там...

С неба падал снег. Я шел по Невскому проспекту, и почему-то было тяжело на сердце. Спустя несколько месяцев мир узнал о кончине Нуриева.

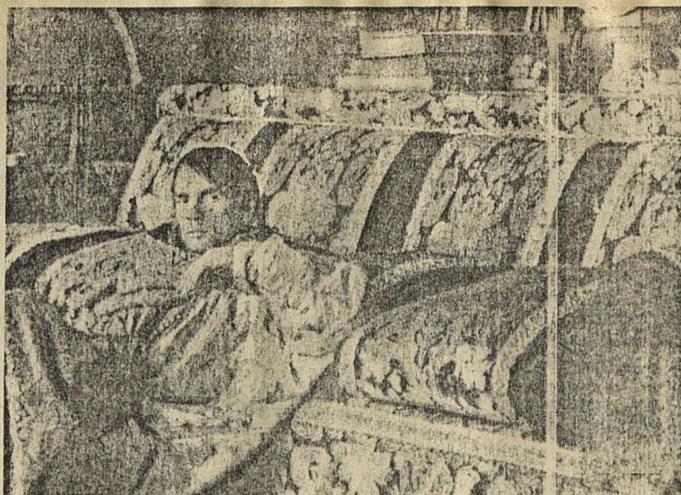
Два бога. Два выдающихся артиста. Это было главным, что сблизило их. Оба умерли от одной болезни — СПИДа. Это дает возможность говорить обывателям прежде всего не об их творчестве, а о личной жизни. Не надо! Давайте только о прекрасном...

Владимир ВАРХАНОВ.

Каждый человек, как утверждают некоторые ученые, бисексуален

НА СНИМКАХ: Ф. Меркьюри и Р. Нуриев в одной из своих квартир.

144